

УДК: 327: 94(47+497.17)

РОССИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ О ПУТЯХ РЕШЕНИЯ МАКЕДОНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

© 2010 А.Н. Сквозников

Поволжский филиал Института российской истории РАН, г. Самара

Поступила в редакцию 04.12.2009

В статье рассматриваются различные варианты возможного решения македонской проблемы в конце XIX – начале XX в.: официальная позиция руководства российской дипломатии и проекты российских консулов в Македонии.

Ключевые слова: македонская проблема, внешняя политика России на Балканах, русско-австрийские отношения, российские консулы в Македонии

На рубеже XIX – XX столетий внимание российской дипломатии было приковано к Балканам. Там стремительно нарастало национально-освободительное движение угнетенных народов Османской империи. Основным очагом напряженности была Македония – историческая область на юге Балканского полуострова, населенная в основном славянами православного вероисповедания (болгарами и сербами) и являющаяся частью Османской империи.

Возникновение македонского вопроса – как составной части Восточного вопроса – обычно датируют 1878 г. Тогда по Сан-Стефанскому мирному договору македонские земли были включены в состав автономного Болгарского княжества. Однако из-за жесткого противодействия западных держав Сан-Стефанский договор был заменен Берлинским трактатом, в соответствии с которым Македония была возвращена под турецкое управление.

В нашей публикации мы рассматриваем различные варианты попыток решения македонской проблемы в конце XIX – начале XX в., т. е. как официальную позицию руководства МИД России, так и точку зрения российских консулов в Македонии, которая зачастую не совпадала с официальной.

В основу статьи положен комплекс дипломатических документов МИД России, хранящийся в Архиве внешней политики Российской империи, а также опубликованные источники.

Говоря о позиции России по македонскому вопросу в конце XIX в., следует отметить, что российская дипломатия в указанный период вынуждена была сочетать политику сохранения власти турецкого султана и территориального статус-кво на Балканах, к чему ее обязывали условия Берлинского договора, с традиционной для России ролью покровительницы и защитницы христианского населения Османской империи.

*Сквозников Александр Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.
E-mail: pfiri@ssc.smr.ru*

Исходя из этого главной целью своей внешней политики на Балканах в целом и в Македонии в частности российское правительство считало улучшение положения христианского населения европейских вилайетов Османской империи, включая Македонию. Реализовать эту задачу предполагалось путем настойчивых рекомендаций турецкому правительству провести соответствующие реформы в пользу христиан, прежде всего уравнивать последних в правах с мусульманами.

В инструкции, данной дипломатическому представителю России в Болгарии Н.В. Чарыкову, направляемому туда в марте 1896 г. после восстановления прерванных ранее дипломатических отношений с Болгарским княжеством, были сформулированы основные принципы российской политики в регионе: “Мы твердо желаем улучшения быта христианских народов Турецкой империи, но не можем допустить ни с чьей стороны попыток, клонящихся к внезапному и насильственному разрушению этой империи”. Что касается Македонии, то, “признавая настоятельную необходимость улучшения теперешнего административного положения в македонских вилайетах”, в инструкции указывалось, что “в настоящее время следует ограничиться введением в них некоторых местных реформ”, что должно было, по мнению руководства российской дипломатии, способствовать если не разрешению, то по крайней мере отсрочке решения македонского вопроса.¹

Российскому посланнику поручалось также настоятельно рекомендовать болгарскому правительству “соблюдать в отношении Македонии осторожность и крайнюю осмотрительность” и заявить, что ни Россия, ни другие державы не допустят агитации в Македонии, “могущей вызвать восстание и поставить на очередь весь Восточный вопрос”.²

Аналогичная инструкция бала дана Н. В. Чарыкову после его назначения в 1901 г. Чрезвычайным посланником и полномочным министром России в Сербии. В инструкции, в частности, указывалось: “обращаем Ваше внимание на руководящую нашу мысль способствовать всеми зависящими от нас средствами к поддержанию на Балканском полуострове мира и спокойствия”.³

Отложить решение македонского вопроса и других балканских проблем на более поздний период требовала также активизация внешней политики Российской империи на Дальнем Востоке в конце XIX века. Комментируя данную ситуацию, министр иностранных дел России в 1895-1896 гг. А.Б. Лобанов-Ростовский писал: “Нам надо бы поставить Балканы под стеклянный колпак, пока мы не разделаемся с другими, более спешными делами”.⁴ М.Н. Муравьев, сменивший Лобанова-Ростовского на посту министра иностранных дел, в свою очередь в 1897 г. отмечал, что македонский вопрос будет служить существенным фактором при решении Восточного вопроса, но в данный момент решение македонской проблемы необходимо отложить “до той минуты, когда Россия в состоянии будет сосредоточить на этом все свои силы”.⁵ Для решения данной задачи России необходимо было договориться о поддержании статус-кво на Балканах со своим главным конкурентом в этом регионе – Австро-Венгрией.

Следует отметить, что и Россия, и Австро-Венгрия в конце XIX - начале XX в. были заинтересованы в том, чтобы отсрочить решение македонского вопроса и тем самым избежать осложнения международных отношений на Балканах: России, как уже отмечалось, необходимо было обеспечить себе надежный тыл при активизации своей внешней политики на Дальнем Востоке; Австро-Венгрия, полностью поглощенная решением внутренних проблем, связанных, помимо прочего, с нарастанием в Дунайской империи славянского антигабсбургского движения, также вынуждена была на время отказаться от активной внешней политики на Балканах.

Обоюдная заинтересованность сторон привела к тому, что в апреле 1897 г. в ходе визита императора Франца-Иосифа и министра иностранных дел Австро-Венгрии А. Голуховского в Петербург между двумя империями было заключено соглашение о совместном поддержании статус-кво на Балканах. Во время переговоров было проявлено совпадение позиций двух правительств относительно балканских событий. Обе империи договорились проводить единую линию по стабилизации положения на Балканах. Соглашение состоялось в форме обмена нотами министерств иностранных дел России и Австро-

Венгрии и включало следующие основные пункты: 1) поддерживать статус-кво на Балканах, пока это возможно; 2) когда это станет невозможным, исключить завоевательные планы на полуострове как со стороны обеих стран, так и со стороны других государств; 3) вынести вопрос о Константинополе и проливах за рамки предметов соглашения.⁶

Таким образом, стороны договаривались по самым общим вопросам, а при их конкретизации выявились разногласия. Так, Вена предлагала Петербургу принять в рамках соглашения определенный план возможного предстоящего переустройства Балканского полуострова. В частности, в австрийской ноте⁷ содержалось предложение создать на Балканах независимое Албанское княжество, включив в его состав территории между Яниной на юге и озером Скутари на севере, с достаточным расширением на востоке. “Остальная часть территории, подлежащей распределению”*, согласно австрийскому плану, должна была стать “объектом справедливого раздела между существующими малыми балканскими государствами”.

В ответной ноте⁸ министр иностранных дел России М.Н. Муравьев заявил, что соглашение о разделе балканских территорий между малыми балканскими государствами является преждевременным и обсуждение этого вопроса – дело будущего. По мнению М.Н. Муравьева, главной целью российского и австро-венгерского правительств, заключивших соглашение о сотрудничестве в области балканской политики, должно было стать поддержание, укрепление и мирное развитие малых балканских государств, а также стремление следовать на Балканах “политике полной гармонии и, следовательно, избегать всего того, что могло бы посеять среди нас элементы трения или недоверия”.⁹

Таким образом, в области балканской политики в целом и в македонском вопросе в частности российское правительство в конце XIX в. взяло курс на сотрудничество с Австро-Венгрией. Этот курс с некоторыми незначительными оговорками одобрил и российский император Николай II, объявивший себя в беседах с австрийским послом убежденным сторонником австро-русского соглашения, но “желавший совместить это с традиционной покровительственной ролью русских на Балканах”.¹⁰ Русско-австрийское соглашение 1897 г. о поддержании статус-кво на Балканах было дополнено в 1904 г. подписанием Декларации о взаимном нейтралитете, в соответствии с которой обе державы

*Имеется в виду возможный предстоящий раздел балканских владений Османской империи, хотя в австрийской ноте об этом напрямую не говорится.

обязались соблюдать абсолютный нейтралитет в случае, если одна из сторон окажется в состоянии войны с третьей державой.¹¹

Таким образом, официальная позиция российского руководства в отношении македонского вопроса на рубеже XIX-XX вв. состояла в том, чтобы всеми средствами постараться избежать его радикального решения (раздела между балканскими государствами или достижения автономии в рамках Османской империи), которое могло привести к серьезному военно-политическому конфликту на Балканах, чего Россия, обремененная другими внешнеполитическими проблемами, не желала.

Вместе с тем в отдельных дипломатических кругах в конце XIX - начале XX в. существовали свои варианты решения македонского вопроса, которые зачастую не совпадали с позицией руководства российского МИД.

Так, например, российский посол в Вене П.А. Капнист, полагавший, что “простое поддержание статус-кво не может быть окончательной целью какой-либо политики”, в начале XX века предлагал руководству российского МИД, воспользовавшись очередным выступлением турецких христиан в Македонии, направить туда войска России и Австро-Венгрии и произвести заранее оговоренный раздел македонских земель между балканскими государствами (Болгарией, Сербией, Грецией).¹² В записке МИД, составленной министром иностранных дел В.Н. Ламздорфом после рассмотрения предложений П.А.Капниста, подчеркивалось, что они “диаметрально расходятся с тою выжидательной, твердо миролюбивою политикой, которая за последние годы дала столь осязательные результаты, сохранив одновременно за Россией полную свободу действий в будущем”.¹³ Предложенный П.А. Капнистом вариант решения македонской проблемы был расценен руководством российского МИД как “крайне рискованный и вредный для России”.¹⁴

Российский посол во Франции А.И. Нелидов в свою очередь видел перспективу мирного решения македонского вопроса в начале XX в. в предании Македонии статуса автономии во главе с христианским губернатором, назначенным великими державами, но с сохранением номинальной власти турецкого султана. В своем письме в российский МИД в апреле 1904 г. посол указывал, что “раздел Македонии между заинтересованными народами приведет к прениям и пререканиям. Чтобы этого не допустить, необходимо сохранить целокупность Македонии”.¹⁵ В будущем, по мнению А.И. Нелидова, “сознание общности интересов македонских вилайетов приведет их к слиянию в одно целое

созданием срединного автономного македонского княжества, правительство которого не будет стремиться к присоединению ни к Болгарии, ни подчиняться греческому влиянию. Такая Македония будет служить к поддержанию равновесия между балканскими государствами и установлению на Балканах самостоятельной политической жизни с исключением всяких чужих попыток захвата”.¹⁶

Идею автономии Македонии в начале XX века поддерживал и российский консул в Битоли А.А. Ростковский, полагавший, что “высшим благополучием для жителей Македонии было бы автономное управление под властью султана, когда всякая народность сможет развиваться совершенно самостоятельно согласно своему желанию и влечению”.¹⁷ Следует отметить, что такая позиция российского дипломата противоречила официальной линии Петербурга, выступавшего против предоставления Македонии автономии.

Российский консул в Призрене (Косово и Метохия) С.В. Тухолка, также как и А.И. Нелидов, выступал против раздела Македонии. В 1908 г. он отмечал, что “всякое предположение о разделе Македонии кажется мне при прежних условиях недопустимым и опасным как для нас, так и для балканских славян: балканские государства не в состоянии сговориться между собой об этом разделе, и даже вопрос о разделе сфер пропаганды и влияния вызывает среди них кровавые распри”.¹⁸

О недопустимости раздела Македонии между балканскими государствами в своей “Записке о национальностях в Македонии” писал и российский консул в Салониках А. Петряев. По мнению Петряева, “раздел Македонии между отдельными балканскими государствами нужно признать неосуществимым, так как участники дележа неминуемо между собой поссорятся и никогда не сговорятся о своих долях. По моему мнению, – продолжал консул, – наилучшим разрешением македонского вопроса было бы наделение Македонии кантональным устройством наподобие Швейцарии и гарантирование ей вечного нейтралитета”.¹⁹ Принимая во внимание этническую пестроту населения Македонии, А. Петряев полагал, что “разделение Македонии на несколько десятков кантонов как нельзя больше отвечало бы этнографическим особенностям этой провинции и интересам населения”.²⁰

Ранее Генеральный консул России в Салониках В.Ф. Машков в свою очередь отмечал, что в силу определенных причин “автономная Македония получит чисто болгарский характер и при первом удобном случае войдет в состав Великой Болгарии, имеющей стать орудием Запада про-

тив России”.²¹ Живым примером для В.Ф. Машкова была ситуация, сложившаяся после освобождения Россией Болгарии в 1878 году, когда последняя вскоре заняла далеко не дружественную позицию по отношению к России.

Следует отметить, что еще в 1898 г. в донесении И.А. Зиновьеву В.Ф. Машков предлагал два, по его мнению, наиболее подходящих варианта разрешения македонского вопроса:

1) “Оставить Македонию так, как она есть, под турецким владычеством, обязав только Турцию ввести действительные для защиты жизни, чести, имущества и свободы исповедуемого христианами культы реформы с негласным, но обязательным для Болгарии и Сербии разделением их сфер влияния, или

2) Если Турция на введение столь настоятельно необходимых реформ окажется не способной, то отделив Македонию от Турции, разделить ее между Болгарией и Сербией, а, может быть, и Черногорией”.²²

А.А. Гирс, сменивший В.Ф. Машкова на посту российского консула в Салониках, предлагал в декабре 1902 года такое решение македонского вопроса: “Лишь безотлагательным, по возможности, примирением на почве дел македонских этих двух славянских народностей (сербов и болгар. – А.С.) и властным разграничением их национальных вожделений, можно достигнуть скорого и прочного успокоения края”.²³ В данном случае консул предлагал посредничество России в сербо-болгарском споре о Македонии.

Заметим, что и в дальнейшем российские дипломаты на Балканах выдвигали различные проекты возможного позитивного решения македонского вопроса. Так, свой вариант решения македонской проблемы в начале XX века предлагал российский консул в Скопье А.Д. Калмыков. В своем донесении в МИД от 9 декабря 1911 г. Калмыков отмечал, что “автономия Македонии под непосредственным наблюдением Европы и ее представителей безусловно неисполнима. Необходимо сохранить Македонию в составе Турецкой империи”.²⁴ В качестве меры, способной нормализовать ситуацию в Македонии, А.Д. Калмыков предлагал оказать Порте финансовую помощь, выделив ей займ на оживление экономики Македонии и решение социальных нужд местного населения. Тогда, по мнению консула, “политические кризисы отойдут в сферу деятельности парламентских кабинетов и перестанут служить поводом к междоусобной войне”.²⁵

Таким образом, отдельные российские дипломаты в зависимости от личных политических убеждений и симпатий к тем или иным балканским народам предлагали в конце XIX

– начале XX в. различные варианты решения македонского вопроса: предоставление Македонии автономии или раздел македонских земель между балканскими государствами, что, однако, никак не повлияло на внешнеполитическую линию Петербурга в македонском вопросе. Проекты российских дипломатов по решению македонского вопроса в конце XIX – начале XX в. остались невостребованными руководством российского МИДа. Российский внешнеполитический курс в конце XIX – начале XX в. как на Балканах в целом, так и в Македонии в частности, оставался неизменным – поддержание статус-кво в этом регионе.

В сложившейся на рубеже XIX–XX вв. международной обстановке проведение подобной политики, на наш взгляд, было наиболее оптимальным вариантом внешнеполитического курса, проводимого Россией как на Балканах в целом, так и в Македонии в частности.

Таким образом, поскольку радикальное решение македонского вопроса в конце XIX – начале XX века не входило в планы российского внешнеполитического ведомства, то основное внимание российской дипломатии в ближайшие годы было решено сосредоточить на том, чтобы добиваться от Порты проведения реформ в интересах христианского населения Македонии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Очерки истории Министерства иностранных дел России в 3-х т. М., 2002. Т. 1. С. 215.

² АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1896. Д. 37. Л. 13 об. – 14.

³ Цит. по: Павлюченко О.В. Россия и Сербия. 1888 – 1903 (дипломатические отношения, общественные связи). Киев, 1987. С. 42.

⁴ Красный архив. 1925. Т. 8. С. 3.

⁵ Цит. по: Коренные интересы России глазами ее государственных деятелей, дипломатов, военных и публицистов. Документальная публикация / Сост. И.С. Рыбаченок. М., 2004. С. 153.

⁶ См. текст Соглашения 1897 г. между Россией и Австро-Венгрией о Балканах: Сборник договоров России с другими государствами. 1859-1917 гг. М., 1952. С. 303 – 308.

⁷ Там же. С. 303-306.

⁸ Сборник договоров России... С. 306-308.

⁹ Там же.

¹⁰ Цит. по: Бестужев И.В. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906-1910 гг. М., 1961. С. 182.

¹¹ Сборник договоров России... С. 333.

¹² Дюлгерова Н.А. Русская дипломатия в Восточном вопросе на рубеже XIX – XX вв. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1997. С. 10.

¹³ Цит. по: Рыбаченок И.С. Последний бастион. В.Н. Ламздорф и Мюрцштегское соглашение 1903 года // Российская дипломатия в портретах / Под ред. А.В. Игнатьева, И.С. Рыбаченок, Г.А. Санина. М., 1992. С. 292.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Доверительное письмо А.И. Нелидова – В.Н. Ламздорфу. 8 апреля 1904 г. // АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1904. Д. 2648. Л. 28 – 29.

¹⁶ Там же. Л. 29.

¹⁷ Цит. по: *Бурбыга В.А.* Македонский вопрос в российской дипломатической переписке 1893-1909 гг. (по материалам консульств в Салониках и Битоли) // Македонски преглед. 1996. №1. С. 70.

¹⁸ Записка о политике России касательно Македонии, составленная российским консулом в Призрене и Митровице С.В. Тухолкой // АВПРИ. Ф. 192. Миссия в Софии. Оп. 527/1. 1908. Д. 10. Л. 304.

¹⁹ Записка о национальностях в Македонии, составленная российским консулом в Салониках А. Петряевым // АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1909. Д. 4392.

Л. 30 - 31.

²⁰ Там же. Л. 31.

²¹ Цит. по: *Ямбаев М.Л.* Македония и Россия (1897 – 1902 гг.). Дис. ... канд. истор. наук. М., 2004. С. 159.

²² Там же.

²³ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. 1902. Д. 2298. Л. 122 об.

²⁴ Цит. по: *Шатилова Л.В.* Македонский вопрос в период балканских войн 1912 – 1913 гг. и политика России // Балканские исследования. Выпуск. 15. Россия и славяне: политика и дипломатия. М., 1992. С. 190.

²⁵ Там же.

RUSSIAN DIPLOMACY ON THE MACEDONIAN PROBLEM AND ITS SOLUTION IN THE END OF THE XIX – EARLY XX CENTURY

© 2010 A.N. Skvoznikov

Volga Branch of Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Samara

In the article the variants of the possible ways to solve the Macedonian problem offered by the Russian diplomacy in the end of the XIX - early XX century are analyzed.

Key words: Macedonian problem, Russo-Austrian relations, Russian foreign policy in the Balkans, Russian consuls in Macedonia